

К.А.Гордон

ПО ТРОПАМ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА
и другие стихи

г.Сочи
2008 г.

К.А.Гордон

По горным тропам Западного Кавказа и
другие стихи.

Дорогой жене и другу
частицу души моей
с любовью

Стихи сочинского врача-хирурга и старожила города, автора книги «Старый Сочи конца XIX – начала XX века: воспоминания очевидца». Стихи в какой-то степени отображают жизненный путь автора, наиболее яркие события его жизни, впечатления и мысли.

При сочинении этих стихотворений автор меньше всего думал об их издании, но тем не менее они представляют интерес для людей, любящих природу Западного Кавказа, поэзию и снисходительных к творчеству поэтов-любителей.

Райский сад Кирилла Гордона

Я благодарен судьбе, которая в лице Владислава Кирилловича Гордона предоставила мне возможность прикоснуться к поэтическому творчеству его отца, знаменитого врача и краеведа Кирилла Аркадьевича Гордона.

Его творчество порадовало меня, прежде всего, верностью классической традиции, большим знанием русской и античной культуры, поэзии и вообще широкой образованностью. Сразу вспомнились слова одного нашего филолога: «Литература – удел образованных людей». Наличие таланта предполагается априори.

Возможно, строгий критик нашёл бы в стихах автора излишние прозаизмы, речевые штампы и т.п., что не даёт возможным отнести их тексты к разряду высокой поэзии, но автор на это не претендовал.

Огромная любовь к кавказской природе, частые походы к почти неприступным горным красотам, способность ощутить себя частью мироздания и окружающего его горного ландшафта, умение точно, лаконично и без пафоса, по-мужски

сдержанно выражать и впечатления от гор, и чувства к любимой женщине делают его стихи подлинным художественным и человеческим документом.

Для того, кто живёт в нашем городе и способствует его славе и процветанию, кто в молодые годы (как и автор этих строк) отдал дань горным походам, ночёвкам в палатках у походного костра, не пустым звуком являются слова, с которыми автор обращается к нему:

Чтоб вспомнилась тебе тогда тропа крутая,
Обрыв скалы над далью голубой;
Чтоб видел ты, стихи мои читая,
В них ответ чувств, испытанных тобой.

Недавно (опять же благодаря усилиям сына) вышла в свет прекрасно изданная и пользующаяся большим спросом книга Кирилла Гордона «Старый Сочи конца XIX – начала XX века. Воспоминания очевидца», которая документально запечатлела тот город-курорт, который мы, к сожалению, необратимо теряем, но таковы реалии нашего времени.

А из молодых лет Кирилла Гордона неиссякаемо звучит жизнерадостный стихотворный призыв:

Налейте полнее бокалы,
Теснее садитесь за стол,

Чтоб весёлая песня звучала
И подружку бы каждый нашёл.

Про дела, про тоску, про заботы
Позабыть в эту ночь каждый рад.
Бахус вместе с весёлым Эротом
Рядом с нами незримо сидят!

Любовь к природе, к свободному проявлению
естественных чувств, ненависть к деспотии
органично уживались в душе поэта. Он прекрасно
сознавал, в каком времени находится, поэтому
даже любовь представлялась ему, как

Короткий сон о счастье,
Такой блистательный, что даже наяву
Я грежу им, идя сквозь мрак ненастья
Жестоких дней, в которых я живу.

Очень смелым, даже для 1965 года, является
стихотворение «Раб», в котором автор клеймит тех,

... кто не чувствует гнёта насилья,
Чью душу не давит железная клеть,
Кто в рабском покорстве целует умильно
Руку владыке, держащую плеть.

Эти стихи актуальны и сейчас, как и другие
стихи поэта, о чём бы он ни писал.

Кирилл Аркадьевич Гордон поистине наш
современник, знакомство с его творчеством
духовно и эмоционально обогатит любого
жаждущего и тайно верящего, что

Быть может, где-нибудь от взоров скрытый,
Ещё цветёт Прекрасный Райски Сад,
И человек придёт дорогою забытой,
Как блудный сын, к дверям его назад?

Валерий Клебанов
член Союза писателей России,
лауреат литературной премии
имени А.Невского

Вступительное слово от редактора.

Предлагаемый читателям сборник стихов знакомит читателя с поэтическим творчеством Кирилла Аркадьевича Гордона. Вплоть до последнего времени К.А.Гордон был известен в городе как высококвалифицированный врач, как путешественник, краевед, прекрасный рассказчик. Вышедшая в свет в 2004 году его книга «Старый Сочи конца XIX - начала XX века. Воспоминания очевидца» преумножила эту славу. Однако мало кто в городе знаком с поэтическим творчеством К.А.Гордона.

Стихи отца, следует отметить, специфичны, они, за редким исключением, являются не абстрактной поэзией, посвящённой безотносительному воспеванию прелестей природы и человеческих отношений. Они являются чем-то вроде стихотворного жизнеописания наиболее ярких событий и переживаний. Для правильного понимания некоторых стихотворений отца необходимо знать особенности в формировании его поэтического дарования.

Большую роль в закладке фундамента его дарования в ранние годы отца сыграли его мать – Мария Яковлевна Акимова, природа Западного Кавказа и его детская любознательность.

В молодости Мария Яковлевна получила блестящее образование. Ещё в ранние детские годы К.А.Гордона она привила сыну любовь к литературе, поэзии. Особенно полюбили ему сказки Андерсена, прочитанные матерью в раннем детстве. В более поздние годы, при учёбе в гимназии в Санкт-Петербурге, отец познакомился и полюбил поэзию древнеримских поэтов. Эту любовь к сказкам и античной поэзии отец пронёс через всю свою жизнь. Она нашла отражение во многих его стихах, написанных даже в зрелые годы.

Особое место в формировании отца как поэта и его дальнейшем поэтическом творчестве сыграла буйная природа Западного Кавказа. Он с удовольствием проводил летнее время со своим другом на даче, расположенной в верхней части Верещагинских участков на Лысой Горе, на самой опушке леса. Постоянное общение с местной флорой и фауной воспитали у отца неподдельную любовь к природе, к горам. Именно здесь отец познал и полюбил гениальную поэзию М.Ю.Лермонтова – подлинного любителя Кавказа. С каким удовольствием мы, спутники К.А. Гордона в его горных скитаниях, сидя после ужина вокруг вечернего костра, слушали его декламацию «Демона», «Мцыри», а также стихи древнеримских поэтов Овидия и Горация, которые отец декламировал на латинском языке! Горам отец посветил многие свои стихотворения.

Мечтою отца было издание его горных стихотворений и именно эти стихи вошли в первую часть – «По горным тропам Западного Кавказа» предлагаемого сборника стихов К.А.Гордона.

Во вторую часть сборника, названную «Лирикой», вошли стихотворения, посвящённые жене – Лидии Григорьевне, его друзьям и подругам юношеских лет, а также более поздние стихи, выражающие гражданскую позицию отца и протестующие против тоталитарного режима.

Свое поэтическое творчество отец начал в семнадцатилетнем возрасте в 1914 году, опубликовав в гимназическом литературном журнале первое своё большое стихотворение «Морская царевна», написанное ещё под влиянием сказок Андерсена, а закончил в 1975 году стихотворением «Кардывач».

В.К.Гордон

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

Кто б ни был ты, товарищ мой далекий,
Мне хочется, чтоб твой зажегся взор,
Увидев сквозь стихов рифмованные строки
Снега и лёд на скатах синих гор.
Чтоб вспомнилась тебе тогда тропа крутая,
Обрыв скалы над далью голубой;
Чтоб видел ты, стихи мои читая,
В них отсвет чувств, испытанных тобой.

Автор

ЧАСТЬ I
ПО ГОРНЫМ ТРОПАМ
ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ.

Кто б ни был ты, товарищ мой далекий,
Мне хочется, чтоб твой зажегся взор,
Увидев сквозь стихов рифмованные строки
Снега и лёд на скатах синих гор.
Чтоб вспомнилась тебе тогда тропа крутая,
Обрыв скалы над далью голубой;
Чтоб видел ты, стихи мои читая,
В них отсвет чувств, испытанных тобой.

I

Быть может, молод ты..., и я был тоже юным,
И свято я храню далекие мечты:
Блеск ледников в горах под ярким светом лунным,
И юной спутницы любимые черты;
Огни костров, надежды и волненья,
Пожатье чистое девичьих нежных рук...
Тогда мне чувств моих казался отраженьем
Прекрасный мир, что видел я вокруг.
И я его любил по-юношески нежно.
Казалось, видел я, как улыбались мне
Цветы в лугах, гора с вершиной снежной
И звезды яркие в бездонной глубине.

II

Но может быть, что время зрелых лет

Уже легло тебе, далекий друг, на плечи,
Когда и помечтать минуты лишней нет,
И день до вечера весь по часам размечен.
Я тоже знал, как тяжек груз забот,
Что значит труд тяжелый и упорный.
Я тоже уставал... Кто знает, тот поймет,
Как сладок отдых среди пустыни горной.
О! Солнечные дни среди лесов и гор
Цветы и снег на гранях перевалов,
Широких далей голубой простор
И вечер у костра, когда лежишь усталый
Под сенью пихт. Нет! Лучшего не знал
Я отдыха, чем сон под их зеленым кровом.
Как будто грудь к земле тогда я прижимал
И, как Антей, вставал, опять к труду готовый!

III

А если голова под снегом седины,
И против прежнего слабее стали силы,
И многие пути по жизни пройдены,
Но тропы горные тебе, как прежде, милы,
Тогда пойдем со мной! Теперь лишь нам дана
Способность ощутить так сладко грусть утраты:

Волнуют сердце осени тона
И алый свет вечернего заката,
О, как высок и ясен небосвод!
Как на лугах медвяно пахнут травы,
Как сладко слушать рокот быстрых вод

Потока, что течет в глуши лесной дубравы.
Как ласково в ветвях лепечет ветерок!
Как грозен гул далёкого обвала!
И что с того, что краток жизни срок
И недалёк покой последнего привала.
Ведь вечен мир! Пусть мы растаем в нём,
Как в небе тает облачко тумана,
Как капелька воды, что падает с дождём
В безбрежность вод седого океана...
Как капелька воды... Но разве есть сомненье
В том, что когда-нибудь, в грядущие века
Она опять, поднявшись испареньем,
Блеснет росинкой в чашечке цветка?

1965 г.

МОНАСТЫРЬ ПО ДОРОГЕ НА КРАСНУЮ ПОЛЯНУ

Однажды я, в горах блуждая,
Любя лишенья и труды,
Набрёл в прекрасный вечер мая
На монастырские сады.
И я вошёл под своды храма,
Гляжу – монахов тёмный ряд,
На них сквозь дымку фимиама
Иконы строгие глядят.
В открытых окнах видно было,
Как меркли близких гор снега –
Их солнце нежно золотило.
Вечерня тихо, тихо шла.
С дыханьем горного зефира
Кадил смешался фимиам,
Душа рвалась в простор эфира,
К мерцавшим на небе звездам.
И я тогда в молитве страстной
Благодарил Творца вдвойне:
- «Он создал этот мир прекрасный,
Он дал живую душу мне!».

1915 г

В АГУРСКОМ УЩЕЛЬЕ

На камне, нагретом полуденным зноем,
В глубоком ущелье лежу на спине,
И мир вокруг меня недвижим и спокоен,
Лишь коршун кругами парит в вышине.

Тенистого леса не манит прохлада,
Все тело томящей истомы полно.
На камне горячем, у струй водопада,
Пью жаркое солнце я, точно вино.

Я счастлив. Сейчас ничего мне не надо,
Гляжу я на небо, на сети плюща,
Покрывшего скалы. А рядом цикады
Поют мне о счастье, звеня и треща.

1916 г.

ГРОЗА В ГОРАХ

Еще с заката начиная,
Уже который час подряд
Гремит в горах гроза ночная,
И пихты гнуться и шумят.
И в озареньи молний синих
Я вижу дикий горный лес,
И тень ветвей, и четкость линий
Стволов, встающих до небес.
Гремят громовые раскаты
Вверху, и рядом, и внизу,
И лес шумит, как бы объятый
Ночной тревогою в грозу.
И это чувство мне знакомо -
Ведь все, кто жили до меня,
Боялись также взрывов грома
И стрел небесного огня.

1915/65 г

ТРОПА ПО РЕКЕ ПСОУ

Меж старых аулиц*, над бурною горной рекой
Вьётся тропа, как сквозь старый запущенный сад.
Дичают деревья, взращенные чьей-то рукой,
Мхом зарастают камни упавших оград.
Вот яблони старые в тесный столпились круг.
Стояла тут, видно, черкесская дымная сакля;
И чащей зелёной разросся кустами фундук;
Вода родника, словно слезы, за каплею капля
Бежит и сверкает на мохом поросших камнях.
Невольно пред взором проносятся прошлого тени:
Вот всадники мчатся на быстрых, как птицы,
конях;
Вот девушек слышно протяжно-горланное пенье.
Просветы аулиц среди старого темного леса
Рождают желанье увидеть хотя бы на миг,
Как жили когда-то на этих полянах черкесы,
Узнать, о чем плачет серебряной влагой
родник.

1925 г.

Аулице – место на котором располагался
когда-то черкесский аул.

РАССКАЗЫ ОБ ОЗЕРЕ РИЦА

ПУТЬ К ОЗЕРУ РИЦА В 1913 ГОДУ.

Мы шли в глуши лесов. Нас вел седой ручей
По кручам гор к заливам сонной Рицы.
И с каждым днем все глуше и темней
Смыкался лес, и солнца луч пробиться
Не мог сквозь чашу спутанных ветвей.
Курчавый папоротник, высокие стволы
Столетних пихт и буков, запах гнили,
Сквозь тишину зеленый полумгла.
Лишь пенистый поток среди алмазной пыли
Бурлит и лижет грудь обросшей мхом скалы.
Безмолвен лес, порою только птица
Далеко прокричит в тревоге и тоске.
Суров и страшен лес, и трудно не смутиться,
Медвежий влажный след увидя на песке
По берегам ручья, идя к далекой Рице.

1918 г.

ВЕЧЕР И ДЕНЬ

На лунной поляне поставлен бивак,
Кругом травы и травы – зеленый ковер.
В раскрытой палатке царит полумрак:
У входа её догорает костёр.
Ближих вершин снеговые громады
В сумраке ночи еле видны,
Низкие звёзды горят, как лампы,
Яркие даже при свете луны.
Мы нарубили пушистую хвою –
Мягко в ту ночь нам в палатке спалось,
А утром по дикому лесу со мною
Нам к Рице без троп добираться пришлось.
Вы помните? Часто зарубки терялись
И лезть приходилось сквозь чащи завалов,
Карабкались, падали, вновь поднимались,
До позднего вечера шли без привалов.
В пихтовом лесу, на крутых косогорах,
Скользок был хвои опавший ковёр.
Наконец, когда солнце садилось за горы,
Блеснули глаза голубые озер.
Мы шли без воды – приходилось делиться
Каждым глотком. Путь был длин и тяжёл
Только лишь к ночи к таинственной Рице
Вас я глухими лесами привёл.
Пришли. На прибрежные скалы свалились
Нам мягче перин показались они,
И заснув, не видали, как в мраке светились
Под пологие леса гнилушек огни.

ВЕТЕР ПЕСНИ ПЕЛ С ПРОСОНКУ...

Ветер песни пел спросонку
В горном сумрачном лесу
Про тебя, мою девчонку,
Про тебя мою, мою красу!

Мы с тобою шли лесами,
Рядом спали у огня,
Сонно-влажными губами
Целовала ты меня.

А когда спустились к Рице
Мы с нагорной высоты,
То тебе, моей царице,
В пояс кланялись цветы.

1923 г.

НОЧЬ В ЛЕСУ НАД РИЦЕЙ

Багряный свет костра. Танцующие тени.
Огромных пихт шершавые стволы
То вступят в светлый круг на несколько
мгновений,
То снова отойдут в объятия черной мглы.
И отблеск пламени по мшистым ветвям скачет.
Ты слышишь, как вверху, в расщелине скалы,
Над мертвой птицей старый леший плачет?
Вскипел наш котелок над жаркими углями,
Давным-давно пора бы нам заснуть,
А мы сидим, переплетясь руками,
А за костром стоит Лесная Жуть.
Я говорю тебе, а притаясь в засаде
Глазастенькие страхи сияются понять,
Что Андерсен писал о дивном райском саде,
О том, как спорили когда-то Смерть и Мать.
В твоих глазах мир сказочных видений,
Тебя увлек их призрачный полет.
А вокруг нас всё также пляшут тени,
Несется вокруг костра бесшумный хоровод.
И оживают сказки-небылицы,
Поэзии и мудрости полны,
Мы видим наяву несбыточные сны
Здесь, у костра, в глухую ночь над Рицей.

ОЗЕРО РИЦА В 1913-1925 ГОДХ

Озеро горное, озеро скрытое
В дебрях дремучих лесов
Спит, лунным светом залитое,
Полное трепетных снов.

Темные глубы пихтового леса
Тайны и мрака полны.
Над озером смутно белеют отвесы
Скал, озаренных сияньем луны.

Тихо в лесу, но вот скрипнула ветка,
Камни посыпались с тропки крутой.
Зверь там какой-то прошел незаметно,
Скрытый от глаз непроглядною тьмой.

Тихо опять. И блестит, и искрится
Горного озера светлый простор.
О, как прекрасна заснувшая Рица
В темном венце окружающих гор!

1926 г.

СОРОК ЛЕТ СПУСТЯ.

На Рицу! На Рицу! На Рицу!
Из Гагр, из Сухуми и Сочи
Машины бегут вереницей
С раннего утра до полога ночи.

С тех пор, как глухие ущелья
Прорезала лента шоссе,
На озере шум и веселье,
На Рице встречаются все.

Я тоже там часто бываю,
Ночую в гостинице «Рица»,
Гляжу, по аллеям гуляя,
Как глиссер по озеру мчится.

Под вечер - балкон ресторана,
Где весело, шумно и тесно,
А в небе в отсветах багряных
Меркнет закат над Агепстой

Внизу, за широким простором,
В воде отражаясь, искрится
Огнями дорога, которой,
Как петлей, заарканена Рица.

С друзьями сижу за стаканом,
Веселье мешаю с тоской,
И в дымке вечерних туманов
Былое встает предо мною.

О Рица! Безлюдная Рица!
Царица далекой мечты!
Тогда не могло мне присниться,
Что так переменишься ты.

Но годы бегут торопливо,
И сорок уж минуло лет
Со дня, когда к тихим заливам
Олений привёл меня след.

Впервые тогда предо мною
Раскрылся твой светлый простор;
И леса под фатой голубою,
И скалы обрывистых гор.

Агепсты высокие пики
Тогда покрывали снега,
И были безлюдны и дики
Лесные твои берега.

Могучие пихты и ели
И грани прибрежные скал
В зеленые воды глядели,
Как в гладь изумрудных зеркал.

Никто не тревожил покоя
Пустынной воды и земли.
Над травами в мареве зноя
Гудели, летая, шмели.

О солнце нагретые скалы,
Плескаясь прозрачной волной,
Лежала пустынная Рица -
Виденье волшебной страны.

Журчал ручеёк, куковала
Кукушка в чащобе лесной...
Хотелось нам петь и молиться -
Сердца были счастьем полны.

Я помню, мой спутник волненья
В себе пересилить не смог,
Он молча упал на колени,
Целуя прибрежный песок.

Показаться Вам могут смешными
Наши чувства в тот памятный миг,
Мы были тогда молодыми,
А мир здесь – безлюден и дик!

1953 г.

ОЗЕРО МАЛАЯ РИЦА.

У подножья скал, крутых, как стены башен,
Уходящих ввысь, под самыми пологи тучами,
Озеро лежит чудесной синей чашей
В каменном кольце, поросших лесом круч.

Синева воды его такая,
Что ее забыть не сможет тот,
Кто взглянул, в горах блуждая,
В глубину прозрачных ярко-синих вод.

В зеркале воды недвижны отраженья
Темных пихт на скалах, синева небес.
Всё кругом молчит. Застыла без движенья
Толща синих вод. Зачарован лес.

Над тобой, как в сказке, Маленькая Рица,
Распростерла крылья колдовская тишь,
Кажется, что ты в своей гробнице
Спящую красавицей лежишь!

1952 г.

*РАССКАЗ О ВОСХОЖДЕНИИ НА ГОРУ
АГЕПСТА*

СОЛНЕЧНЫЙ КОНЧИТСЯ ДЕНЬ ...

Солнечный кончится день – день среди горного
луга,
Вечер придет. Я зажгу у палатки костер.
Вновь ты будешь со мной, моя дорогая подруга. Не
сравнится тогда королевский, роскошный шатер
С моей маленькой белой палаткой, клянусь тебе в
том,
И блеск фейерверка с моим не сравнятся костром!

1921 г.

- XXX –

КАМЕНЬ В ЛЕСУ

Камень в лесу. Мохом поросший гранит,
На зелени жемчуг - роса.
Камень безмолвно хранит
Тайну, что прячут леса.

НОЧЬ ПЕРЕД ВОСХОЖДЕНИЕМ.

Ночь на альпийских лугах

Луна... Альпийская поляна...
Агепсты льдистая стена,
Как замок злого великана,
Угрозой тайною полна.
Отвесных скал темнеют кручи,
Взор увлекая в тишину.
Каскады шумом однозвучным
Ночную будят тишину,
Струясь сквозь лунные поляны.
Парчой сверкает пелена
Снегов серебряных. Туманы
Плывут меж скал. Озарена
Луной Агепста. Полог ночи
Горит сияньем звездных глаз,
И сердце трепетное хочет
Услышать в этот поздний час,
Как шум лесов, лесов молчанье,
Блеск ледников на круче скал,
И звезд далекое мерцанье
Слились в торжественный хорал.

УТРО ПЕРЕД ВОСХОЖДЕНИЕМ

Только утро небо осветило,
Робкой поступью вошло в леса
И росой траву лугов покрыло,
Лагерь мы покинули тогда...
В глубину долин спускался лес дремучий,
Глухо доносился шум реки,
Впереди вздымались каменные кручи,
И на них в туманах стыли ледники.
Закрывая небо до зенита,
Перед нами в сумраке утра,
Как броней, блестящим льдом покрыта
Высилась Агепсты грозная стена.
На неё вчера в бинокли мы смотрели,
Намечая будущий наш путь,
Где высоко ледники алели
И темнела скал жестоких грудь.
И туда теперь мы шли лугами,
Скатами зелеными морен.
Чашечки цветов склонялись под ногами
И росой кропило ноги до колен.

ПЕРЕД ПЕРЕВАЛОМ

Здесь голые скалы, покрытые льдами
И узкая тропка над бездною круч,
Глубоко в долине у нас под ногами
Ползут вереницы туманные туч.
Кусты рододендрона в каменной щели,
В проталине снега веселый побег,
Последние низкие гнутые ели
И вот впереди только небо и снег.
Холодного, свежего ветра порывы,
Глаза ослепляет сверкающий день.
Смотри! Не сорвись с ледяного обрыва
И шире руби ледорубом ступень.

ПЕРЕД ВЕРШИНОЙ АГЕПСТЫ

Тот яркий полный солнца день
Навеки в сердце сберегу:
От скал синеющая тень
На твердом фирновом снегу,
Крутой сверкающий обрыв
И ветра горного порыв.
Ей-богу я глядеть не мог,
Как комья снега из-под ног
Катились в бездну. Но бела,
На фоне неба, вся в снегах,
Вершина нас к себе звала,
И был тот зов сильнее чем страх.

НА ВЕРШИНЕ АГЕПСТЫ

В этот день мы побывали
На вершине, где едва ли
Был когда-то человек,
Где холодный белый снег
Нас крутой дорогой вёл
К крутизнам, где лишь орёл
Над вершинами парит,
Где всегда покой царит,
Где к уступам тёмных скал
Подбежал застывший вал
Твёрдых фирновых снегов...
Не напрасно в вышине,
На блестящей крутизне
Мы рубили целый день
За ступенькою ступень!

РАССКАЗ О ПАЛАТКЕ

ПАЛАТКА

Легкая палатка, друг и спутник верный!
Я с тобою дружен уж немалый срок.
Много лет со скал глядели серны,
Как с тобою рядом в сумерках вечерних
Распускался огненный цветок.

Над тобой в лесах шумели непогоды.
В дни дождей в горах дороги нет,
Быстрых рек тогда вздувались воды,
И в сырых туманах приходил рассвет.

А в другие ночи голубели дали,
Лунный свет струился с ясной вышины,
Черные леса недвижимо стояли
И на тонком шелке* ветви вырезали
Голубое кружево луны.

Утренние зори над тобой сияли,
Розовели льды, свисая с близких гор,
У подножья скал твой холмик отражали
Зеркала зелёные озёр

- xxx -

Там высоко, где небо, снег и скалы,
Мы провели тот день. Всё было ниже нас,
В синеющей доли белели перевалы
Далёких гор. Казалось, весь Кавказ
Лежал пред нами. Дикие поляны
Цвели внизу, сверкали ледники,
Каскадов жемчуга струились по теснинам,
Сливаясь в нить серебряной реки.
Меж грозных скал, утёсов-великанов
Зияли пропасти, и с тёмного их dna
В мои глаза глядела глубина
Глазами синими струящихся туманов.

* палатка была сшита автором из парашютного
шёлка...

Так без троп скитались мы, бывало,
И случайный ставили ночлег
Там, где ночь в пути нас заставляла -
То на высях снежных перевалов,
То в лесах у быстрых горных рек.

Но, мой спутник - лёгкая палатка,
Нас с тобою ждёт судьба одна:
Что ни год - то на тебе заплатка,
У меня - виднее седина.

Да и что сказать? Ведь лет прошло немало,
Как - никак, а близко к сороке.
Оттого, наверно, круче горы стали
И заметней стала тяжесть рюкзака.

Не поспоришь с горькою судьбою:
Знаю я, настанет черный год,
Когда в горы синие с тобою
Твой хозяин больше не пойдет

Ну, а ты дождешься, может быть, не скоро,
Когда, сдунув с шёлка пыль и нафталин,
Понесет тебя с собою в горы
Молодой и сильный сероглазый сын.

Под твоей защитой будет спать он крепко,
Улыбаться будет он во сне.
Расскажи ему тогда, моя палатка,
Расскажи, что сможешь, обо мне.

ГИБЕЛЬ ПАЛАТКИ На горе Анчха

Клубилась с полдня темень облаков,
На приступ грозных скал ползли, дымясь, туманы,
Сердито гром ворчал издалека,
И сумрак вечера упал на горы рано.

В ту ночь высоко лагерь наш стоял
В щели меж скал, под самым перевалом,
Но нас ненастный вечер не смущал -
Палатка от дождя надежно защищала.

Под пологом ее привык я засыпать,
И шуму горных рек, и песням непогоды
Сквозь сон задумчиво внимать.
Но время шло и шёлк точили годы...

И в эту ночь огромный силы шквал
С наветренной полы ударил, как тараном,
И старый шёлк широко разорвал,
Ворвавшись к нам дождем и ураганом.

При свете молнии старались мы поймать
И закрепить, в шесть рук, разорванную полу.
Но продолжала буря бушевать,
Палатку дальше рвал её напор тяжёлый.

Но всё же кое-как, под ледяным дождем,
Под натиском жестоким урагана,
В кромешной тьме брезентовым плащом
Сумели мы прикрыть зияющую рану.

Была та ночь длинна. Когда пришёл рассвет,
Палатку осмотрев, увидел я воочию,
Что починить её надежды больше нет,
Что эта ночь была - её последней ночью.

ПРОЩАНИЕ СО СТАРОЙ ПАЛАТКОЙ

Что старой палатке сказать на прощанье?
Ты долго мне спутником верным была
И в горных далёких, счастливых скитаньях
Лет тридцать покой мой и сон берегла.

Разлука пришла для меня так неожиданно!
Окончила с честью ты службу свою,
Погибнув в жестокой борьбе с ураганом,
Как воин, сражённый в неравном бою!

Палатку себе я достану другую,
Расстаться ж с тобою совсем не смогу:
О годах, минувших невольно тоскуя,
Тебя я до смерти своей сберегу

Без смысла и цели. Но эти понятия
Для сердца и чувства совсем не нужны:
Так женщина прячет венчальное платье,
А муж, овдовевший хранит так посланья
жены.

МАРУХСКИЙ ЛЕДНИК

Ущелье – мрачный темный зал,
Где стены – кручи черных скал,
Где вместо сводов - облака
И, как замерзшая река,
На дне ледник суров и дик
Застыл зеленой массой льда.
В глубоких трещинах вода
Журчала в тёмной глубине.
Как будто в страшном детском сне
Давила мрачных скал громада.
Меж них чертил круги орел.
Нас трудный путь, казалось, вел
К преддверьям Дантовского ада.

1927 г.

СВИРЕЛЬ

Кочевья на Аишхо

Простую музыку пастушеских кочевий -
Свирель, поющую чуть приглушил туман.
Её напев для многих поколений
Всё так же плакал в зелени полян.
Той песни звук простой и монотонный
Глубоко западал в бессчетные сердца,
И в колыбели сын, еще вчера рожденный,
Уже слышал, когда свирель отца
Звала стада к вечернему покою
И провожала день за грани синих гор,
Когда вставал туман над горною рекою
И алых облаков на небе мерк узор.
Спускалась ночь. Когда я песнь свирели
Впервые услышал, то показалось мне,
Что слышал я уже когда-то эти трели
Давным-давно, в каком-то детском сне.
То предков кровь шептала, что когда-то
Так праотцы мои, кочуя среди гор,
Там, где-нибудь на склонах Арарата,
Во времена Христа свой ставили шатёр.

1927 г.

ОСЕНЬ В ГОРАХ

Гора Амуко

Ветер пел песни горных просторов,
Гнал над вершинами клочья тумана.
Осенью поздней под небом суровым
Вяли цветы на альпийских полянах.
Желтели березы, алели рябины,
Шуршала трава, а в лесах паутины,
Кружево осени, в ветвях сплелись.

У-у... Проносись! Проносись! Проносись!

Пел ветер, что снегов пелена
Скоро все горы оденет парчой,
С неба на землю сойдет тишина,
И мертвенный белый покой.
Спустятся легкие серны в долины,
И, ветку покинув пихты-исполина,
Метнётся за ними охотница-рысь.

У-у... Проносись! Проносись! Проносись!

Будут вечерние зимние зори
Отблеск багряный на горы бросать.
Тёмные пихты в алмазном уборе
Алыми блёстками будут сверкать,
Синие тени лягут у скал,
В тёмном ущелье заплачет шакал,
Жалобный крик, улетающий ввысь.

У-у... Проносись! Проносись! Проносись!

Вновь встанет луна, заискрятся снега,
Но лес сохранит мрак таинственный свой,
На ветке замёрзшая баба-яга
Покажется чёрной лохматой совой.
В лесу, цепenea, стоит тишина.
Спускается ниже и ниже луна,
И новые звёзды на небе зажглись.

У-у... Проносись! Проносись! Проносись!

Так вихри шумели. Их голоса
Слушал спускавшийся с гор человек.
За ним замыкались бесшумно леса
И девственно-белым был выпавший снег.

1928 г.

БИВАК В ВЕРХОВЬЯХ МАЛОЙ ЛАБЫ
Река Малая Лаба

Вы помните наш путь над бурною Лабою,
В глухом лесу поставленный бивак?
На линиях руки, начертанный судьбою,
У Вас лежит тех дней неизгладимый знак.
Ненастна ночь. Вершины пихт качая,
Шумят ночные горные ветра.
В пещере тьмы лесной наш лагерь освещает
Багряный отсвет яркого костра.
Палатки ход раскрыт. Еловыми ветвями
Я устелил её, чтоб мягче было спать.
Вы помните? В ту ночь глядели долго с Вами
Мы на уголья яркого костра. Судьба устала ждать.
Когда на жар углей лег пепел темной сеткой
И навалилась тьма, вдруг услышали Вы,
Как кто-то шел в лесу, ломая с хрустом ветки.
Под тяжкою стопой, шуршал покров листвы.
Вскочили мы, и яркою лучиной
Зажегся сук, подброшенный в костер.
Дрожала женщина, припав к плечу мужчины,

В руке напрягшейся сжимавшего топор.
О! Древности седой лесная пантомима!
Но зверь прошел во мраке ночи мимо.
Да! Зверь прошел, а Вы не разжимали
Пьянящего кольца горячих тонких рук.
При отсветах огня у Вас в глазах сменяли
Друг друга страсть и девичий испуг.
Но покорила страх любовь и страсти сила
И ласка девушки была, как нож, остра.
И ночь костер наш скоро потушила
И опустила пологи шатра.

1936г.

ОБРАЩЕНИЕ К РЮКЗАКУ

О, мой рюкзак! За эти дни не раз
Ты на меня глядел с немим укором.
Ужель ты думаешь, что диким горам
Я предпочту магнит девичьих глаз?!

1923 г.

!938 г.

ТУМАН НА СКЛОНАХ ЧУГУША

г. Чугуш

Альпийский склон, за ним стена тумана
Коледлет ветер чашечки цветов
И стебли трав. И, кажется, поляна -
Ковер, плывущий в море облаков.
И тишина... Не слышно тут, как воды
Бурливых рек шумят на дне долин.
Я здесь один перед лицом природы,
Природы-матери, её усталый сын.
Я ей принес израненное сердце,
Чтоб около нее найти души покой,
Потерянный давно. И мне не наглядеться
На этот мир, спокойный и простой.
И, кажется, что жизнь - цветок на горных склонах,
Движенье облаков - веков спокойный лёт.
«Всё суета сует», - жужжаньем монотонным,
Летая меж цветов, лохматый шмель поет.
«Всё суета сует», - журчит между камнями
Ручей, бегущий с горной высоты.
И кажется, что жизнь моя, с мелькающими днями,
Гонимая бичами суеты,
Осталась там, внизу, во мгле туманов синих
И отзвуки её замолкнули вдали.
Мои глаза глядят в лицо пустыни,
И уши слышат голоса Земли.

СКВОЗЬ ТУМАН РАЗЛУКИ

Гора Псеашхо

Синие глаза, синие, как море,
Синие, как звезды горных генциан.
Молодость... Свобода... Горные просторы...
Тропка над обрывом... Голубой туман...

Утро. Пал на травы иней белой пылью,
В синем небе блещет снежный перевал.
За спиною будто не рюкзак, а крылья,
Глазки незабудок на карнизах скал.

День на горных высях, голубеют дали,
Мох лесов и нити светлых рек
Глубоко внизу, а здесь, на перевале,
Только ветер, скалы, крутизна и снег.

Вечер у палатки. Светляки мигают
Огоньками эльфов в мраке темных роц,
И на дне ущелья песни волчьей стаи
Провожают вечер и встречают ночь.

Счастье мимолетно. Мы расстались вскоре...
Сквозь горечь разлуки, словно сквозь туман,
Вижу я глаза глубокие, как море,

Синие, как звезды горных генциан.
1939 г.

ОСЕННЯЯ ПРОГУЛКА В ГОРАХ
Авадхара

Снег на вершинах гор суровых,
Отвесных скал немая мощь,
Зеленый плющ лесов пихтовых
И желтый шелк кленовых рощ,

Кустов оранжевые чащи,
Листвы, редющей печаль,
Увядших трав ковер шуршащий
И неба бледного хрусталь -

Все говорит о том, что скоро
Жизнь остановит здесь свой бег,
И белым саваном на горы
Надолго ляжет зимний снег.

Но совершит природа круг.
И вновь грядущею весною
Зазеленеет горный луг.
И клен покроется листвою,

И солнце будет вновь сиять,
Лучами землю обнимая,
И в горы мы придем опять

Встречать весну в начале мая.

1953 г.

УЩЕЛЬЕ ВРУБЕЛЕВСКОГО ДЕМОНА
Гора Аджара

В вершинах гор ущелье скрыто,
Оно сурово и темно.
Осколки серого гранита
Покрыли каменное дно.
Кругом стоят, как стены, скалы,
Вонзая в небо острия
Своих вершин. Иду усталый,
Вокруг нигде не вижу я
Ни трав, ни мха, былинки малой...
Не слышно шума горных рек.
Как клочья савана на скалах,
Лежит, не тая, вечный снег.
Сюда, испив позор бессилья
Из чаши горестной до дна,
Упал на сломанные крылья,
Низвергнут с неба Сатана.
Здесь он лежит, отвергнут Богом,
В тоске дробя в руках гранит.
И след его тоски и злобы
Ущелье мрачное хранит.
Здесь всё мертво. Царит молчанье.
В изломах скального кольца

Я смутно вижу очертанья
Надменно злобного лица.

1956 г.

УТРО В ГОРАХ

(Озеро Цахвоа)

Посвящается дорогому другу
и верному спутнику в горах
Б.В.Лещенко

Уже светает небо на востоке,
Померкли звезды в ясной вышине;
И серые тона сменили мрак глубокий
Безлунной ночи, но еще во сне
Лежит туман над росною поляной,
И в сумрачном лесу не слышен птичий хор,
И не упал еще отсвет зари румяной
На скалы и снега нас окруживших гор.
Намокшие от утренней росы,
Объяты сном безмолвные палатки.
Один лишь Вы, в рассветные часы
Сидите у костра, поживаясь зябко.
Глядите молча Вы, как тают ночи тени
И как на смену им приходят краски дня.
У Ваших ног, меж сдвинутых поленьев

Танцуют языки ожившего огня.
И блики красного мерцающего света
Скользят по линиям чеканного лица,
Лица ученого, бродяги и поэта,
Бивачного костра бесменного жреца.
Сидите молча Вы, обняв свои колени,
Глаза задумчиво в огонь устремлены.
Что видите Вы там? Сны прошлых поколений?
Костры других дорог? Кровавый свет войны?
Не знаю я. Светлей горит рассвет,
Проснулся мир, ночной росой умытый.
Да, дружба поздняя, не дружба юных лет,
Когда душа, как майский цвет, раскрыта.

1953 г

ПОДАРИ МНЕ КОЛЬЦО...
жене

«Подари мне кольцо, золотое кольцо с изумрудом,
Чтоб зеленые грани его окружали алмазы каймой», -
Так однажды меня ты просила. Но взять то кольцо мне откуда?
Ни разу в продаже не видел я перстень такой.
Но видел в горах, как зеленые чистые воды
В ущелье стремят по камням Юипшара-река;
И над ней, то деревья смыкают прозрачно-ажурные своды,
То в небе высоко плывут неспеша облака.
Бушует река, точно вырваться хочет из плена,
И волны её в белой пене о скалы прибрежные бьют,
Под солнцем июльским искрится алмазами пена,
Собой окаймляя прозрачных стремнин изумруд,
Кругом поднимаются лесом поросшие кручи,
Корни пихт оплетают замшелые выступы скал.
Если б я наделен был волшебника властью могучей,

То из зелени вод и из пены реки, я дивный бы перстень создал.
Тебе бы его подарил. Обладал бы он даром бесценным:
Смотря на его, не снимая с усталой руки,
Ты б видела всплески волны в окруженье сверкающей пены,
Прильнув к нему ухом, ты слышала б рокот реки.
О давно пролетевших годах, то кольцо бы тебе рассказало,
О почти позабытых скитаньях в пустынном, далёком краю,
Про тропки в горах, про костры у ночного привала,
Про девичью святую любовь... про далёкую юность твою.

1953 г.

ВСТРЕЧА С МЕДВЕДЕМ

Аспидный перевал

Лесная глушь и солнечные блики
 На корнях пихт опавшей хвои медь.
 Иду лесной тропой, (пасусь на землянике),
 Вдруг поворот тропы и ... в двух шагах - медведь!
 Зверь молодой - со мною ростом равен.
 Он ищет муравьев, копаясь в старом пне.
 Он не свиреп, лохмат и так забавен,
 Что даже страха не внушает мне.
 Стою ... Гляжу ... Но в это время запах
 Чужой, волнующий, уже почувял он,
 Стал нюхать воздух и на задних лапах
 Стоял, оглядываясь, безмолвием смущен.
 В его глазах, в пытливом темном взоре
 Я ясно прочитал его волнение смог.
 Он увидал меня! Скользя на косогоре,
 Галопом прыгая, пустился наутёк.
 Зверьё! Зверьё! Меньшие наши братья!
 Не мог медведь, конечно, угадать,
 Что стёр с своей души я древнее проклятье:
 Убийства жажду - Каина печать.

В ВЕРХОВЬЯХ МАЛОЙ ЛАБЫ

Я вновь пришел в пустынную долину,
 Где с серых скал свисают ледники,
 И как тогда под пихтой-исполином
 Я на ночь лагерь свой поставил у реки.
 Уже ложится тень горы на дно ущелья,
 И тянет холодом вечерним от воды,
 А высоко вверху, в лучах зари алея,
 Светлы вершины гор, где вечный снег и льды.
 И так же, как тогда, сквозь мрачные теснины,
 Шумя, течет холодная река.
 И кажется, что даже облака
 Те самые застыли у вершины...
 Здесь ничего с тех пор не изменилось!
 А между тем промчалось много лет -
 Нас трое юношей тогда сюда спустились,
 Теперь я стар, а тех двоих уж нет.
 Но пихты темные по-прежнему всё те же,
 А у подножья их, на дно долин упав
 С высоких ледников, колеблет ветер свежий
 И зарево костра, и стебли горных трав.

Как и тогда, при первом звёзд мерцанье
В горах темнеют быстро краски дня.
Треща, горят смолистые поленья,
Темней вокруг, костра всё ярче свет.
Покинув мрак могильного забвенья,
Ко мне пришли друзья далеких лет
И сели у огня. Как прежде! Как живые!
И вспоминаем мы такие ж вечера,
Когда звучал наш смех и речи молодые
И споры страстные почти что до утра!

О, молодость моя! Как ты теперь далеко!
Шумит река, темнеют кручи гор,
Кругом безлюдье, только одиноко
В тумане ночи светит мой костер.
1967 г.

АИБГИНСКОЕ ШОССЕ

Узкой дороги над буйной рекою
Вбит в скалах карниз,
Горы покрыты чашей лесною
Высоко вокруг поднялись

Сурово ущелье, на дне его скачет
Вьётся в скалистых оковах река,
Низкое небо дождиком плачет,
Цепляя деревья, плывут облака.

1927 г.

Р

РОЖДЕНИЕ ГОРНОЙ РЕКИ

Река Цахвоа.

Из трещины зеленой ледника
Серебряною струйкой ручейка
Ты вытекаешь между снежных стен.
По каменистым осыпям морен.
Шумят и пенятся холодные ручьи,
С тобой сливая чистые струи.
Средь мертвых скал недвижны снег и лед,
Но нарушает шум твоих оживших вод
Безмолвный сон седых вершин Кавказа.
Струясь и падая с карниза на карниз
С отвесных скал, ты низвергаешь вниз
То нити жемчугов, то россыпи алмазов.
И вот на кручах скал, заметная едва,
Тебя встречает первая трава
И в щелях камня первые цветы.
Ты, падая с бесплодной высоты,
Встречаешь жизнь. Среди высоких трав
Прозрачный твой поток, их корни напитав,
Течет теперь в лугах, где ярко солнце светит,
Где травы и цветы, как в зеркало, глядят

В хрусталь твоей воды, где нежный аромат
Несет над шелком трав свободный горный ветер.
Альпийские луга... Куда ни кинешь взор
Зеленые ковры лежат на склонах гор,
А с них бегут бурливые потоки,
Каскадом падая с обрыва скал высоких.
И в лоно вод своих их воды принимая,
Ты, ласково журча и небо отражая,
Течешь по дну долин, среди кленовых рощ,
Ты снова пенишься, свою учуя мощь,
В теснинах скал могуча и дика
Ревешь, как барс, попавшийся в тенета,
И, покидая горные высоты,
Уходишь в сень лесов. Вот так рождается река.

1968 г.

ДЕВУШКА И ПТИЦА

И.Б.

В лесу, над заснувшею Рицей,
В глухую осеннюю ночь
Девушка с мальчиком-птицей
Вела перекличку. Точь-в-точь
Зовом птицы она подражала,
Сплетая любовную вязь.
Насмешки жестокое жало
В тех зовах скрывала, смеясь.
А птица, поверив обману,
Всё ниже и ниже слетала.
Катилась луна по туманам.
Снега голубели на скалах,
И темен был пихтовый лес.
Но девушка звать перестала:
Увы! Не могла обратиться,
Любовью влекомая птица,
В прекрасного, стройного принца.
Ведь в мире нет больше чудес!

1968 г.

ЗЕРО КАРДЫВАЧ

Я, путь в горах окончив трудный,
Рюкзак с уставшего плеча
Снял на полянах изумрудных,
У тихих вод Кардывача.
Там малахитовым овалом
В полукольце скалистых гор,
Как в дреме, озеро лежало,
Своей красой пленяя взор.
И были ясны отраженья
Снегов вершин и грозных скал
В воде, застывшей без движенья,
Холодной, чистой, как кристалл.
Вдруг ветерок, как бы играя,
Набросил рябь и вновь исчез.
Кругом луга, и только с края
К воде спустился старый лес.
Я там, под пихтою лохматой,

Где ручеек бежит, журча,
Палатку ставлю в час заката
На берегу Кардывача.
День постепенно угасает ...
Еще ничто не нарушает
Здесь дивной горной красоты.
Лес не изувечен рубкой
Растет в нетронутости хрупкой,
И воды девственно чисты,
Не смяты травы и цветы.
Места вокруг пустынно... дики...
Встает из-за хребта луна,
Её серебряные блики
В воде трепещут. Тишина...
Приходит ночь, а мне не спится,
Всё мучит мысль, как злой палач,
Ужель судьба обжитой Рицы
Тебя не тронет, Кардывач?

1973 г.

САНЧАРСКИЙ ПЕРЕВАЛ. 1956

Вьется тропинка по снегу меж скал.
Она еле видна наверху.
Под нами Санчарский лежит перевал
Дорога с Кубани на Псху.
Сейчас здесь безлюдье, покой, тишина,
Лишь ветер порывист и свеж,
Но здесь в вышине полыхала война,
Здесь пролегал её крайний рубеж.
Высоко, высоко на скальном гребне,
Где и серна едва ли пройдет,
Над глубокою пропастью встретился мне
Немецкий разрушенный дот.
В щели между скал, как стенами, зажат,
Он темнеет, покинут и нем;
Припорошены снегом снаряды лежат
И пулей расколотый шлем.
И сразу так ярко припомнились мне
Года, когда сам воевал,
Это память о них, среди снегов в вышине,
Санчарский хранит перевал.

1973 г.

Часть II
ЛИРИКА

МОРСКАЯ ЦАРЕВНА

В глубинах лазурного моря
Морская царевна жила.
Не знала она ещё горя
И всеми любима была.
Она любовалась водою,
Когда солнце встаёт из-за гор,
Покрывая златой пеленою
Безбрежного моря простор.
Лишь чайка над нею летала,
Да парус маячил вдали.
Царевна косу заплетала
При блеске рассветной зари.
А в полдень она опускалась
В прозрачные сини глубины
И снова наверх поднималась
Лишь со светом неверной луны.
И часто она подплывала
К идущим вдали кораблям,
И пенью земному внимала,
Что изредка слышалось там.
Тогда капитану казалось,
На тёмные воды глядя,

Что видел он голову девы
В волнах за бортом корабля.
А время бежало, бежало,
Счастливо царевна жила,
Несчастной поры и не ждала,
А та уже близко была.
Однажды, едва пробудившись
От сладкого юного сна,
Была молодая царевна
В чертоги к отцу позвана.
«О, дочь моя дорогая, -
С любовью ей молвил отец, -
Уж юность прошла золотая,
Пора бы тебе под венец.
Сегодня у нас соберутся
Друзья и вассалы мои
И будут, столпившись у трона,
Твоей добиваться руки.
Придёт и Дунай именитый,
Днепр, Дон с казаками придут,
Сберутся ручьи и потоки,
Что в синее море текут.
Но, право, Дунай их достойней;
Отцовскую волю узнай:
Коль хочешь отцу быть покорна,
Дунаю ты руку отдай».
Весёлые гости собрались
На пиршество в зале дворца,
Одна лишь царевна печальна
Сидела у трона отца.

И вышел Дунай именитый
С стальною дружиной свой
И молвил: «О, царь знаменитый,
Могучий владыка морей,
Царевну я быть умоляю
Подругой любимой моей».
Тут медленно встала царевна
И руку Дунаю дала,
Затем вдруг отдернула руку
И стала, как мрамор, бледна.
Морская царевна любила
К высоким горам приплывать,
Морская царевна любила
Младому Потоку внимать.
Он пел ей про горные выси,
Порой приносил ей цветы,
Он пел про леса, где сплелися
Лианы, вися как мосты.
Царевна любила Потока,
О нём была думой полна.
И вдруг его недалёко
В толпе увидела она.
Узрела царевна морская,
Как плакал Поток молодой,
И молвила гордо Дунаю:
«Твоей я не буду женой! -
И в ужасе двор отшатнулся,
Дунай головою поник
И вышел, и в гневе бессильном
Он залил свои берега,

Как будто бы в людях невинных
Он счастьем увидел врага.
- Я люблю молодого Потока,
И руку ему лишь отдам».
И царь, поражённый глубоко,
Сорвал с неё царский венец.
«Так пусть же покорные волны
К Потоку тебя отнесут.
Тебя его бедные воды
От смерти, поверь, не спасут.»
И быстро могучие волны
На берег её повлекли
И бросили грубо царевну
На острые камни они,
Как будто земле ненасытной
Морскую царевну даря;
И снова назад отбежали,
Исполнивши волю царя.
Пустынные воды и брег освещая,
Зарей засветился восток,
Над девою, руки ломая,
Рыдал безутешный Поток,
На горных вершинах снега растопляя,
Любимой не в силах помочь.
И будто медуза на камнях
Умирала царевна, любя,
И меркли в глазах её звёзды
Вместе с тем, как бледнела заря.

ЗАЧЕМ ТЫ ГОВОРИШЬ, ЧТО Я ЛЮБИЛ КОГДА-
ТО ...

В.М

Зачем ты говоришь, что я любил когда-то,
Зачем тревожишь ты забытую печаль?
Да, помню я, как в час заката
Глядела ты в морскую даль.
Пред нами моря ширь, синяя,
В немую даль мечты влекла,
Я жизнь любил, но ты милее,
Дороже жизни мне была.
Потом расстались мы...
И дни текли уныло,
И я, сомненья в сердце затая,
Любовь к тебе, как пламя жизни,
Хранил... а ты её не сберегла.
Теперь не то – мне жизнь постыла,
Любить тебя я не желаю вновь.
Не говори о том, что было.
Уже не воскресить умершую любовь.

1915 г.

ПОД ГНЁТОМ НЕДАВНЕГО
ГОРЯ

В.М

Под гнётом недавнего горя
Мне сердце терзает печаль.
Стою я у бурного моря,
Гляжу в беспросветную даль.
И вижу к утёсам подходит
Вся блеклая в пене волна,
Смотрю, как, о скалы разбившись,
Назад убегает она.
Гляжу, как суровое море
Под пасмурным небом шумит,
Как волны бегут на просторе,
Как чайка над ними парит.
И грозная песня природы
Смягчает на сердце печаль.
Легко и спокойно при шторме,
Разбитого счастья не жаль.

1915 г.

1916 г.
Москва

ОДИН Я, НО ХОЧЕТСЯ ВИДЕТЬСЯ
С ВАМИ ...

Один я, но хочется видеться с Вами
И вместе среди леса куда-то бежать,
Среди сосен смолистых, объятых ветвями,
С Вами подолгу встречаться глазами,
В губы безвольные Вас целовать.
Узнал я от Вас, что на свете когда-то
Немало счастливых созданий жило,
Что славили Пана в багрянце заката,
Плясали с глазами темнее агата
И спали обнявшись, как солнце зашло.
На Пана могиле цветы отцветают
Загадкою жизни сердца пленены.
А в небе вечернем медлительно тают
Воздушные замки волшебной страны.
Упругое тело состарит работа,
А губы среди умных и скучных речей
Забудут весёлые песни Эроса,
И кожу с годами сморщит забота
Однообразия будничных дней.

ДАВНО УЖЕ ПЕСНЯ КО МНЕ НЕ
СТУЧАЛАСЬ!

Давно уже песня ко мне не стучалась!
Иль лестница ей высока?
А может, она уж навеки умчалась,
И с Музой проститься пора навсегда?
Я помню: в недавние скучные годы
Текла моя жизнь, словно тягостный сон;
Не раз вспоминая родную природу,
Души подавлял я тоскующий стон.
И в однообразии будней тягучих,
Когда от промозглости я уставал,
Мне Муза несла упоенье созвучий:
Я горы и море в стихах воспевал.
Но нет, не сейчас, когда счастье разбито
И стала понятна бесплодность мечты,
И та, что любил горячо, изменила, -
Ужели изменишь мне, Муза, и ты?

1916 г.

Я ПРИНЁС ТЕБЕ БОЛЬШОЙ БУКЕТ
АЗАЛИЙ

Я принёс тебе большой букет азалий.
Что был мною собран в глубине лесов,
Я хочу смутить покой твоих мечтаний
Вереницей страстных, полных неги снов.

Я принёс тебе букет лесных азалий
С ароматом пряным желтых лепестков,
Чтобы рассказали про тоску моих желаний,
Ароматом страсти пропитав альков.

Я принёс тебе букет моих азалии –
Пусть они тебе навеют радужные сны

О греховных ласках римских сатурналий,
Об океанийских праздниках весны.
1918 г.

БЫЛ ЯСНЫЙ ЗИМНИЙ ДЕНЬ

В. Ш-ой

Хорош был зимний ясный день на юге,
Но чёрный год в душе печаль взрастил,
Я молод был, и рыженькой подруге
Был мил, и сам её любил.
Но чёрный год вошёл и встал меж нами,
Меж нами тень разлуки он воздвиг;
Она закрыла солнце чёрными крылами
И отравила счастья краткий миг.
И, помнится, сидели мы, немые,
Терзала скорбь нам юные сердца,

Печально я глядел на кудри золотые,
На профиль милого, любимого лица

Сочи 1919 г

Берег незнакомой, чуждой мне земли...

Петроград. 1923 г.

Ночь в дежурке Иститута Отта

СОН

Ночь черна, как смоль, быстра фелюга,
Турок-кормчий дремлет у руля.
Тяжела для сердца с родиной разлука,
Но прощай навеки, русская земля!
Ветер клонит парус к пенистому морю,
И борта нам лижет чёрных волн гряда,
И в открытом море встретили мы зорю,
И куда ни глянешь – всё одно: и небо, и вода.
Целый день фелюга по морю летела,
Белый парус в море, как крыло, мелькал;
Брызги разлетались... а когда стемнело,
Там, где алый запад в море угасал, -
Показался берег в сумрачной дали,

ДВА СТИХА О КОМАНДИРОВКЕ В ГЛУБИНКУ

ВОТ СНОВА ПУТЬ, ВНОВЬ СНЕЖНАЯ ДОРОГА

Вот снова путь, вновь снежная дорога
И бедных деревень убогий кров...
И комнаты своей спокойного порога
Не перейду я к вечеру. Не нов
Мне этот путь сквозь снежные метели,
Когда теряешь счёт прожитым дням,
Не в первый раз мне долгие недели
Скитаться в розвальнях по дальним
деревням.

- xxxx-

Девичий маленький альбом -
Архив для ветреного сердца.
Ты, проглядев его мельком,
Припомнишь то, что уже стереться
Успело в пылком сердце том.
Тебе припомнится пора,
Когда с тобой сидели как-то,
Любуясь светом синих глаз
В пути молодые доктора,
Как Вашим песням мы внимали...
В окно избы глядела мгла.
А утром путь лежал нам дале,
И след полозьев замела
Метель на первом же увале.

В ТВОЕЙ ГРУДИ СТРИТСЯ ЯД
ЗЕЛЁНЫЙ...

В.С.

«В твоей груди струится яд зелёный
Лесов и гор, - мне говорили Вы, -
И ты грустишь, в одни леса влюблённый,
И гредишь только шорохом листвы».
Вы говорили мне, что Вы совсем иная,
Вы города дитя; и шимми, и фокстрот
Вы можете плясать, не уставая,
С друзьями Вашими все ночи напролет.
Потом добавили, что если б караваны
Верблюдов нас несли, качая, на спине,
То был бы Вам я спутником желанным
В чужой, обоим нам неведомой стране.
Потом нежданно вдруг поцеловали, -
И Вас трамвай унёс в глухую ночь, звеня,
Туда, где Вас другие люди ждали -

Друзья для Вас, чужие для меня.

1924 г.

1923 г.

Я ВСТРЕТИЛ ВАС, КОГДА СВЕРКАЯ...

Я встретил Вас, когда, сверкая
Огнями люстр, гремел весёлый бал.
И почему, я сам теперь не знаю,
Я Вас шутя к груди своей прижал.
И показалось мне, что, будто в дивной сказке
Иль в самом юном, самом сладком сне,
Короткий миг бездумной нежной ласки,
Не оттолкнув меня, Вы подарили мне.
А в окна тусклый день уже вползал, серея,
И, утомившись, завершался бал;
Но мне казались Вы прекраснейшею феей,
Волшебным замком стал знакомый зал.

ПОРТРЕТ

В.С.

Изнеженной руки так вкрадчиво пожатье,
Но светлых глаз неверен лживый взгляд,
И никогда, в них глядя, не мог я угадать,
Что сердце женщины – бездонный тёмный ад.
Что серых глаз глубокие озёра,
Такие светлые, на дне своём таят
Средь ила и коряг таинственные норы,
А в недрах – гады, чей смертельный яд,
Чьи жала – как пик стальные острия.
Я никогда не знал, обманутый любовью,
Что в глубине души таилось у неё.

1926 г.

ВОСПОМИНАНИЕ

Т-ре

Как страницы скучного романа,
Вечера на Севере длинны
Оттого-то спать ложусь я рано,
Чтобы не болела в сердце рана,
Светом растревожена луны.

Одиночество под вой ночной метели
Мне расскажет много сладких снов,
Ведь мы с ним когда-то долгие недели
У костра бивачного походные постели
Расстилали в сумраке лесов.

Призрак женщины за нами не угнался,
Он остался в шумных городах.
Наш костер, бывало, разгорался,
И какой-то странный мир, казалось,
Возникал в пылающих углях.

Вот огромный зал, сверкающие арки,
Золотые своды светлых галерей...
И, как мы хватаем миг у счастья краткий,

С синими огнями тени танец жаркий
Пляшут торопливо в золоте углей.

1931 г.

ПОЗДНИМ ЛЕТОМ В СТЕПИ...

Жене

*«Поздним летом в степи на казацких могилах
Сон-трава в полусне одиноко цветёт.
Он живой, но сухой, он угаснуть не в силах
И весна для него никогда не пройдет...»*

«Поздним летом в степи на казацких могилах
Сон-трава в полусне одиноко цветёт.»

Почему ты не раз мне о нём говорила
В тот далёкий, пожалуй, счастливейший год?
Помнишь, как в зимние лунные ночи,
За окнами липа сверкала во льду,
Как вечером, день свой окончив рабочий,
В комнату-келью свою я приду,
Где ждали меня, и полные ласки
Глаза твои были чисты и ясны.
Нам чайник на печке рассказывал сказки,
И снились в те ночи нам светлые сны.
И юным сердцам в этой жизни казалось всё
мило
Нас счастье встречало, куда ни ступи.

Так что ж ты всегда мне о нём говорила,
О печальном цветке на могиле в степи?

1927

1927 г. Тверь

ВЕЧЕРОМ ЗИМНИМ ТЫ ПРИХОДИЛА
Жене

Вечером зимним ты приходила
В комнату-келью мою иногда.
Радость и ласка незримою силой
Сердце моё чаровали тогда;
Но виделось мне: уходили дороги
В синюю, вечно манящую даль;
И там над степями белели отроги
Горных хребтов, и туманов вуаль
Делала мягкими скаты крутые...-
Любовь и природа – две дивных стихии.

ТЫ ДАЛЕКО...
Жене

Ты далёко... Меж нами ночь без края
И снегом занесённая страна,
Но в зеркале души отражена,
Ты здесь со мной, моя родная,
Любимая и милая жена.
На русой голове, в отсветах золотистых
Так мягок лампы затенённый свет.
И, кажется, что в целом мире нет
Прекрасней глаз, таких больших и чистых,
Как те, которым посвящён сонет.

193... г.

НЕВЕДОМА ВОЛЯ ГОСПОДНЯ!

Жене

Не ведома воля господня!
Как пуст без тебя этот дом,
И оба мы грустны сегодня
Я и малютка наш гном!
Он вечером ждал тебя долго,
Смотреть выбегал на крыльцо,
Но тщетно! И, сбитое с толку,
Было грустное у гнома лицо.
Он тоже не стал ложиться
И долго бродил по ковру.
Я сказал ему: «Лида в больнице,
Лида сегодня в жару.»
Он сел у моей постели
Я тоже не спал всю ночь.
Мы друг другу сказать не смели,

Что тебе не могли помочь.

Тверь. Больничный городок

ПРОСТОР ШИРОК, И ВОЛНЫ СИНИ...

Простор широк, и волны сини,
И лодка лёгкая быстра...
В морской синеющей пустыне
В пурпуре тонут облака.
При алых отсветах заката
На гребне волн сверкает медь.
На запад, заревом объятый,
Люблю под парусом лететь.
Он весь напряжен, ветра полный,
И мачта гнётся, как дуга,
И лодка режет с плеском волны,
И в волнах тонут берега.
Один плыву в морском просторе,
Привычно держит руль рука.

Угас закат, темнеет море,
И в небе меркнут облака.

1928 г.

Иль может быть, без счастья и без ласки
Вас ждёт по вечерам богатый дом,
И чайник позабыл свои смешные сказки,
И больше вам уже не нужен гном?»

1931 г.

НА ВОКЗАЛЕ В ТВЕРИ

Я только что пришёл сюда из дома,
Где прожили мы наши первые года,
Я говорил с малюткой нашим гномом.
Он так же суетлив, заботлив как тогда,
И всё живёт, как жил, за старой печкой,
И так же бегаёт заглядывать в окно,
Как и тогда... Ты помнишь ведь, конечно,
Как нас он ждал, бывало, из кино.
Я рассказал, что есть у нас Наташа,
Что я хочу, чтоб к нам вернулся он,
Что путь на Юг к нам в дом совсем не страшен,
Но гном сидел недвижим и смущён.
«Скажи, - сказал он мне, - вы любите друг друга,
Как и тогда, и ждёт ли до сих пор
Она тебя, когда зелёным кругом
Свет лампы падает на старенький ковёр?»

НЕСЛЫШНОЙ ПОХОДКОЙ ПРИХОДИТ К НАМ ОСЕНЬ

Неслышной походкой приходит к нам осень,
И мысли всё тягостней день ото дня,
И грустно, что глаз твоих милая просень
Всё меньше и меньше волнует меня.

Ты видишь, наверно, что стал я ровнее
И ревностью глупой не мучаюсь зря,
И вечером лунным в заветной аллее
Не жду тебя больше, желаньем горя.

Возможность увидеть неведомый край.
Ты помнишь, как Герда когда-то искала
Ту снежную залу, где ждал её Кай?

1931 г.

ПЕРЕД ПОЕЗДКОЙ НА КОЛЬСКИЙ
ПОЛУОСТРОВ

Мы скоро поедem в далёкие страны,
Где пляшут над голою тундрой ветра,
Бросая под ноги с равнин океана
Безбрежную ширь снегового ковра.
Где вовсе нет солнца, но сумрак полночи
Прорезан огнями полярных зарниц,
Где снег, словно саван, следами прострочен
Петлявших в ночи черно-бурых лисиц,
Здесь дичь и безлюдье, здесь дух
приключений,
Здесь в лунные ночи искрятся снега,
И кажется сказкой упряжки оленьей
Почти что летящий, стремительный бег.
Здесь Север, Лапландия, радость скитаний.

О! ТЫ, НЕСУЩАЯ МНЕ ЧАШУ
НАСЛАЖДЕНИЙ

Т-ре

О! Ты, несущая мне чашу наслаждений!
И чашу горестей! Прекрасна и юна,
Ты, как одно из светлых сновидений
В каких поэтам грезится весна.

Румянец щёк – заря над облаками,
Глаза – ручьи, бегущие со скал,
Неверные глаза под тонкими бровями
И чувственного рта пылающий коралл.

Таким, как ты, поэты посвящали
Свои стихи, и за таких, как ты,
В матросском кабаке рождались в блеске стали
В порывах ревности кровавые цветы.

Таким, как ты, дала природа чары

Сердца мужчин сжигать в огне страстей.
Ты – девушка кварталов Йошивары,
Наложница надменных королей.

И для меня, как песня Лорелеи,
Как морякам желанная земля;
Любовь твоя. На рифы и на мели
Веду корабль свой, мечтая у руля.

1931 г.

НОЧЬ БЫЛА ТЕМНА!

Как ночь была темна! Меня Вы заласкали,
Откинув стыд и лёгкий шелк одежд.
Я шел от Вас, и звезды мне сияли
Огнями яркими надежд.

Я шёл от Вас, забыв печаль и горе,
Весь зачарованный прекрасною мечтой.
В лицо мне дул холодный ветер моря,
И глухо грохотал под скалами прибой.

Но сердцу своему, обманутому ложью,

Не мог и не хотел сказать тогда «Забудь!»
Казалось мне, во мраке бездорожий
В грядущее нас вёл широкий светлый путь.

1931 г.

ОСЕНЬ

Мне в лодку упали багряные листья,
А в сердце - осенняя грусть,
Закаты над морем огнистей,
А море синее... Что ж пусть
Ещё одна осень расцветит
В пурпур и багрянец леса.
Поедем! Твой муж не заметит
В просторе морском паруса.
Ведь жизнь быстротечна, и вскоре
К нам старость в окно постучит.
Пусть нынче в открытое море

Нас лёгкая лодка умчит.
Лежат за кормой километры,
И пенят морскую лазурь
Осенние буйные ветры -
Предвестники шторма и бурь.

1933 г.

ЖЕНЕ НЕ СПИТСЯ...

Жене не спится... К одинокой
Не сходит в лунных тенях сон.
Она печальна – муж далёко
Всю зиму с нею не был он.

Спокойна ночь, луна высоко
Цветущий сад ей озарён.

Жена не спит. Ей в душу дьявол
Видений грешных бросил рой.
Желаний страстных сладким ядом
Смутил ночной её покой.

Так Еву, обратившись гадом,
Он соблазнял в стране иной.

Он говорил: «Прошли метели,
Прошла пора суровых стуж.

Дробится солнце на панелях
Об зеркала апрельских луж.

И скоро, через две недели,
К тебе, мой друг, вернётся муж.

Спроси же сердце: точно ль радо
Оно тому, что близок этот день,
Когда из клиник Ленинграда
Домой вернётся твой тюлень.

Смотри: в аллеях лунных сада
Скользит неслышно чья-то тень.

Спеши к окну – ведь жить не дважды,
Муж не узнает всё равно,
Что ты в порыве страстной жажды
Раскрыла низкое окно.

Ведь он такой же, как и каждый
Законный муж – почти бревно.

Зато другой – тот любит нежно,
Эрота рыцарь и слуга.
Ведь страсть, как моря ширь, безбрежна.
Спеши, минута дорога...

А муж получит неизбежно
Законный свой удел – рога».

Соблазны дьявола так сладки,

И кровь бурлит в цветущий май,
И жизнь, как страшная загадка,
Соблазн – манящей бездны край.

Но вдруг из маленькой кровати
Раздался крик: «Тавай, тавай».

Быстрее летучей чёрной мыши
Метнулся в страхе дьявол прочь,
Царапнул крыльями о крышу
И стихло всё. Спокойна ночь.

В своей кровати тише, тише
Во сне бормочет крошка дочь.

В МОРЕ

Полуденный штиль на безбрежье морское
Накинул тяжелый лазурный атлас,
И у Вас от полуденной неги и зноя
Потемнели зрачки затуманенных глаз.

Парус без ветра колыхается зыбко,
Даль горизонта прозрачна, чиста...
Мне кажется, хищной пантерой улыбка
Скользит чуть заметно по Вашим устам.

Мы в море одни, только парус раскосый
Рыбачьей шаланды застыл вдалеке,
На смуглых плечах чёрно-синие косы
Лежат, точно змеи на жарком песке.

Ваше гибкое тело призывно и знойно,
А повязка на бёдрах легка и узка,
И у кормчего сердце стучит беспокойно
И горячая кровь приливает к вискам.

Море пустынно, прибрежные скалы
Скрылись за гранью его синевы,
И прелестной Марией из древней Магалы
Грешней и прекраснее кажется Вы.

Лишь солнце и море, сердца наши полны,
Сжигает их страсти пылающий груз.
Мария! Вы помните синие волны,
Спины дельфинов и студни медуз?

Никто не увидит нас тут ниоткуда,
Кругом только синь мерно дышащих вод.
Вы помните смуглые плечи Иуды,
Бездну синего неба и чаек полет?

1933 г.

КЕПКА

Кепка! Старая чёрная кепка!
Вместе с тобой мы жили в Твери,
Там (так давно!) подружились мы крепко.
Долгие годы прошли. Посмотри,
Как в Лету те годы ушли безвозвратно,
Как меркнет надежд угасающий свет,
А новые годы идут, как солдаты:
Всё будни да будни, а праздников нет.
А было с тобой у нас радостей много,
И нам позавидовать мог бы любой.

Скажи, на каких же путях и дорогах
Мы счастье свое растеряли с тобой?

1934 г.

ЖЕНСКОЕ ПИСЬМО

Я пишу тебе, милый, и знаю, что горе
Тебе причиню, но признаться должна,
Что сегодня весь день провела я на море...
С кем? Ах, не всё ли равно – не одна.
Ветер осенний в буйных порывах
Листьев, опавших кружил хоровод.
Мы долго сидели над самым обрывом,
Над ширью пустынных и вспененных вод.
Шторм ревел всё сильней, и свинцовые тучи
Сверкали огнями, и гром грохотал.
Он позвал меня к морю. Без тропок, по круче
Сбежали к воде мы... Там пенистый вал
Зелёной стеною вставал из пучины,
Готовый слизнуть нас с прибрежных камней.
Там о сильную крепкую руку мужчины
Я невольно тогда опиралась сильней.

Он старше тебя, но в его разговоре
Мне нравилось что-то. Быть может, проник
Он мне в душу своими стихами о море.
Он рассказывал мне, что с детства привык
Парусом править и... при прощании,
Когда на море падала мгла,
(Как признаться тебе?), но ему я в свидании
Отказать не хотела и не могла.
Я знаю, письмо принесёт тебе муку,
Но ведь женщина я..., и ты должен понять,
Что женскому сердцу в пустынях разлуки
Нетрудно былую любовь потерять. 1934

МАСКАРАД

Это стало почти что законом:
Когда станет темнеть виноград,
Собираемся мы у Гордонов
На весёлый ночной маскарад.

Наливайте полнее бокалы
И теснее садитесь за стол,
Чтоб весёлая песня звучала
И подружку бы каждый нашёл!

Ведь года протекут незаметно,
Не увидишь, как жизнь пролетит,
Так пускай, не смолкая до света,
Смех весёлый сегодня звучит.

Ведь подобные праздники редки,
И одна только жизнь нам дана,
Наливай же, сосед, для соседки
Золотого, как осень, вина!

Про дела, про тоску, про заботы
Позабыть в эту ночь каждый рад:
Бахус вместе с весёлым Эротом
Вместе с нами незримо сидят!

1935 г.

ТАТУИРОВКА НА РУКЕ СТАРИКА
(мысли на врачебно-экспертной комиссии)

На старческом плече, на жёлтой дряблой коже
Татуировки старый полустёртый след,
Как след от тех давно прошедших лет,
Которых уже ничто вернуть не сможет.

Корабль несётся по простору волн,
Под ним два сердца пронзены стрелою
И имя женское... Когда-то силы полн,
Влюблённым юношей с подругой молодою
Прощался он... И, засучив рукав,
Ей показал узор татуировки свежей.
Потом уехал он, вернуться обещал,
И парус потонул в просторе волн безбрежных,
Корабль уплыл за синие моря,

В далёкие неведомые страны;
И вечерами алая заря
Тонула в синеве пустынной океана.
Наверное, в тот час он солнце провожал,
Мечтая у руля о дальних днях возврата,
Пока последний луч, алая, догорал
На вздутых парусах старинного фрегата.

Где все они сейчас? Одной ногой в могиле
Он - немощный старик, над ней цветет земля
Цветами яркими, засасывает илом
В морской пучине остов корабля.

1935.

НА ЗАПАД К ПРЕДЕЛАМ КИТАЯ...

На запад к пределам Китая
Уходят, дымя, пароходы,
Их контуры, медленно тая,
Как будто уходят под воду.
Ничто их назад не приблизит,
Японцы, подобно пантере,
Железные когти дивизий
Вонзили в китайские двери.
Но в тихом глубоком заливе,
Как в зеркале тёмно-зеленом,
Качаются сосны и ивы,
И лодка с четою влюбленных.
И мужа, в поход провожая,
Жена ему шепчет, что верит,
Что древнюю честь самурая

Поддержит он, воин империи,
Он – милый, любимый и нежный...

К востоку идут батальоны
Навстречу встающему солнцу,
Чтоб нивам и сёлам спалённым
Не быть под пятою японцев!
Уходят... Пылятся дороги
И женщина шепчет, рыдая:
«Да помогут великие боги
Тебе за свободу Китая
Сражаться. Мой милый, любимый и
нежный...» 1936-39 гг.

ОКНО

Где ты, которая давно
Дала мне тело женщины впервые?
Я помню средь плюща высокое окно
И под окном платаны вековые.
Как часто в их тени я, притаившись, ждал,
Когда же вспыхнет свет в её окошке,
Чтобы потухнуть вновь – условный наш сигнал,
Тогда карабкался быстрее дикой кошки.

Она меня ждала, красивая и злая,
Готовая ласкать, обманывать и льстить
И всё же никогда, бывшее вспоминая,
Её окна не в силах я забыть.

Я В СЕРДЦЕ ТВОЁ ВОШЁЛ ...

Я в сердце твоё вошёл как случайный прохожий,
Как странник порою заходит во двор,
Чтобы напиться воды, на скитальца похожий
Так входит в ворота походкою робкою вор.

Ведь сердце мужчины – такой же разбойник-
бродяга.
И если он вечером твой переступит порог,
То помни, что утром под ноги опять ему лягут
Манящие дали неведомых, новых дорог.

Но может случиться, что жертва минутной забавы,

Женщина в душу мужчине вольет свой чарующий
яд,
Он заставит разбойника бросить лесные дубравы,
А бродягу заставит запомнить дорогу назад.

Вот так и со мной: за ласковость лживого взгляда,
Забыв о свободе, что прежде была мне любя,
Взамен был готов от тебя, как награду,
Взять ржавые цепи раба.

1937 г.

СВИДАНИЕ

Излучина дороги... лунный свет...
Широкая скамья в тени чинар высоких,
Лесистые холмы... Забыли или нет
Вы эту ночь на берегу далеком?
Так ярко под луной искрящийся залив,
И далеко за ним сверкал огнями Сочи,
И с Вами пили мы, всё в мире позабыв,
Вино любви из синих кубков ночи.
Я видел в Ваших молодых глазах
Полночных звёзд зовущее мерцанье,
Я видел, как у Вас скользнула на губах

Улыбка нежная – невольное признание.
Вы говорили мне: «Покинув город душный,
На миг мы разорвали жизни плен,
Как Мцыри некогда, монах – молодой
послушник,
Бежал от гнёта монастырских стен.
Пускай наутро встретит нас ненастье
И будут дни опять заботами полны,
Но в эту ночь одну пусть нам сияет счастье
Такое ж светлое, как яркий блеск Луны».
Текли часы, и медленно сменялись
Узоры звезд на небе ночном
И диск Луны, над морем опускаясь,
Бледнел под первым солнечным лучом.

Прошли года, но сквозь туман разлуки
Мне часто заслоняет неба твердь
Бровей надменных выгнутые дуги
И стрелы глаз, разящие на смерть.

ПОДРАЖАНИЕ САШЕ ЧЁРНОМУ

Целый день в лаборатории
Ты склонённая стояла,
И что жизнь скучней теории
С горьким чувством ощущала.
Целый день у тонких трубок
Ты, возясь, устала шибко,
И кривила контур губок
Очень кислая улыбка.
И глаза учёной девы -

Тёмно-карие маслины -
То мерцали скрытым гневом,
То подёргивались смехом.
Когда в вашем коридоре
Появился в день тот я,
Не увидел в милом взоре
Никакого восхищенья.
Что поделать?! Годы... Годы...
Много их прожито мной.
Если б стал я снова молод,
Завтра б я пошёл с тобою
В лес зелёный, на Агуру
По ручьям искристых руслу,
И тогда б стрелу Амура
Я б в букет цветов душистых
Незаметно положил бы.
Ты букет бы этот взяла
И к груди его прижала,
И тогда бы мне сказала:
«Как прекрасна жизнь, мой милый!

Но... Пройденный путь мой долог,
Ты же – юный физиолог.
Прочь безумные мечты,
На работе я и ты!

1940 г.

Физиолаборатория

Извилиста тень от нависших ветвей». Мы дальше идём, но уже я напрасно Тебе говорю о безлюдных лесах, Пронизанных солнцем, о том, как прекрасны Цветы на нетоптанных горных лугах, О том, что твои опасения ложны, Что мир и покой разлиты вокруг нас, Но ты, не внимая, идёшь осторожно,

ОТВЕТ НА ПИСЬМА

Жене

Твои беспокойные письма читая,
Я чувствую в них тот тревожный вопрос,
Который ты мне задаёшь, дорогая,
И мне не сдержать обжигающих слёз.
И, кажется мне, что тропинкою знойной
Идём мы горами, ведя разговор,
Наполненный лаской, но вдруг беспокойный
Ты устремляешь на землю свой взор.
«Смотри, - говоришь мне в безумной тревоге, -
Ты видишь, там змеи ползут меж камней?»
«О нет, моя милая, то на дороге

И вижу я страх в глубине твоих глаз.
И, глядя вперёд, ты мне шепчешь в испуге:
«Смотри, вон поднялся, бурля, океан,
Спасайся один без усталой подруги,
Не поздно ещё!». «Это, Лида, туман,
Косматый поднялся туман из долины,
 Это голову твою затуманил недуг.
Не бойся и верь, что дорогою длинной
Идёт с тобою рядом товарищ и друг.
И если действительно вдруг наводнение
Нам в тесном ущелье отрезало путь,
То один никогда б не искал я спасенья –

Или вместе спастись, или вместе тонуть.

1939 г.

МАЯК У ФЕОДОСИИ

Маяк на голом берегу открытом
Для всех ветров белеет одиноко;
И, кажется, к нему давным-давно забыты
Пути для дел людских, для горя и тревог.
Кругом безлюдье, только проплывают
Далеко в море мимо корабли,
И медленно уходят в вечность дни,
Над морем зори угасают.
Но вечерами кто-то зажигает
На башне маяка сигнальные огни,
И долгими ночами там дежурит

Средь тьмы ночной какой-то человек.
Хотел бы я узнать, какой житейской бурей
Он выкинут сюда, на этот дикий берег?
О чём в ночи беззвучными губами
Он говорит, беседуя с собой,
При свете звёзд, когда ночной прибой
Внизу, у голых скал, грохочет валунами.

IV.1939 г.

К ЛЕВКОНОЕ

(перевод с Горация)

Ты не спрашивай, что много иль нет
В этом мире с тобою нам жить,
Пусть таблиц Вавилонских неясен ответ,
Левконоя, не будем грустить!

Будь разумна и юным весельем полна,
Песней вторь звону поднятых чаш.

Хоть грядущего даль и мрачна, и темна,
Этот день, этот час ещё наш!

ГЛУХАЯ НОЧЬ, И ГОРОД ЗАСЫПАЕТ...

Глухая ночь, и город засыпает,
Почти что нет на улице людей,
Звеня, проносятся последние трамваи
По пустырям безлюдных площадей.
Потушены огни в витринах ресторанов,
С карнизов крыш сползает тишина
В пустые улицы, над ними по туманам
Плывёт покинутой любовницей луна.

Я ПОМНЮ, ДАВНО УЖ ВСЁ ЭТО БЫЛО...

Я помню, давно уже всё это было:
Вместо лысины, густо вились волоса
На моей голове. Ярче солнце светило,
И на Лысой горе* зеленели леса.
Огромных дубов густолистные дубравы,
Прогалины солнечных ярких полей,
Где пахли медвяно цветущие травы,
Где тропкой лесной смеющийся Пан
Порой проходил и звучали тимпаны,

И слышался смех серебристых дриад.
Я верил тогда в царство вечного Пана,
Ведь это всё было лет тридцать назад.

1941 г.

ЗАКАТ

Как огромный костёр, догорает закат
Над безбрежным простором морским,
И жар-птицами в небе парят
Облака золотые над ним.

О прибрежные скалы осенний прибой
Разбивает седую волну.
Я не знаю, когда я увижусь с тобой,
Но хочу я тебя лишь одну.

И как солнце сейчас, уходящее вдаль,
Разметалось по небу огнём,
Так и ты моё сердце зажгла, и печаль
Без тебя поселилась в нём

Солнце скрылось. Над морем тускнеет закат,
Вместо золота пурпур и кровь.
Неужель никогда не вернётся назад
Та твоя огневая любовь?!

1941

МНЕ СНИЛСЯ СОН О НАШЕЙ ПЕРВОЙ ВСТРЕЧЕ

Мне снился сон о нашей первой встрече
В стране иной, среди иных времён.
Мне снился зал, горели ярко свечи
И отражались в мраморе колонн.

В глубине прекрасного чертога,
На ложе царственном, нам с Вами снились
сны
Прекрасные, как сновиденья Бога,
И грешные, как сердце сатаны.

Я ясно сознавал, что нет иной отрады,
Что жизнь без Вас лишь цепь тоски и мук,
И с утренним лучом я кубок, полный яда,
Готов был взять из Ваших нежных рук.

Но то был сон, короткий сон о счастье,
Такой блистательный, что даже наяву
Я грежу им, идя сквозь мрак ненастья
Жестоких дней, в которых я живу.

ПУСТЬ ДОЖДЬ ИДЁТ И ЛИСТЬЯ
ОСЫПАЕТ...

Пусть дождь идет, и листья осыпает
Осенний ветер в сумерках густых,
Мне кажется, что летний день сияет,
И с неба падают из золота цветы.

Пусть меч войны над нами поднят острый

И в океане слёз и крови тонем мы,
Мне кажется, что счастья светлый остов
Я вижу в этом море тьмы.

Пусть говорят, что мне уже за сорок,
Что это юноши влюбленного мечты,
Мне всё равно, я знаю только – скоро,
Сегодня вечером меня обнимешь ты.

XII. 1941 г

НОЧЬ ДЛИННА...

Ночь длинна... Кто-то тихо шуршит у дверей.
Это - спутница дальних студенческих дней -
Моя Муза! А рядом скребёт о порог
Одиночества серый пушистый зверёк.
Я вам дверь отопру, и зажгу я свечу,
Сядем вместе за стол, я услышать хочу

Снова песни твои, моя Муза, опять,
Как в далёкие годы любить и мечтать.
О, входите скорей! Я опять одинок
В моей жизни никто заменить вас не смог.
И я дверь распахнул ..., но с клюкою своей
Моя старость седая стоит у дверей.

1943 г.

РАБ

Тот не раб, у кого крепко скручены руки,
Скованы ноги, и в рот заткнут кляп,
Но волю к свободе ни время, ни муки
Не сломят - тот пленник, но только не раб.

И даже того, кто покорную спину
Безмолвно согнул под тяжелым ярмом,
Но ненавидит в душе властелина,
Назову я невольником, но не рабом.

Раб тот, кто не чувствует гнёта насилья,
Чью душу не давит железная клеть,
Кто в рабском покорстве целует умильно

Руку владыки, держащую плеть.

Кто власти покорен, помыслить не смея,
Что воля тирана ещё не закон,
В чьем сердце мятежный огонь Прометея
Или угас, иль не был зажжен.

Чей разум не знает величья Сомнения,
Кого не зовет Люцифера труба
К борьбе за свободу. Тому я с презреньем
Швырну ненавистное имя раба.

1965 г.

ГЛАЗОК ПРИЁМНИКА ГОРЕЛ...

Глазок приемника горел.
Далёкий женский голос пел
О жизни в доме на холме,
В далёкой южной стороне.
А я улавливал едва
Чужого языка слова,
Но столько было в песне той

Беспечной радости простой,
Что видел я залив
И белый дом в тени олив,
Цветы в распахнутом окне
И ту, что песню пела мне.
Болней, чем острая стрела,
Для сердца эта песнь была.
Напоминала мне она
Про свет тюремного окна
И песню птицы в вышине
О той далекой вольной стороне.

1947 г.

РАЗГОВОР С ЧЁРТОМ В ЯНВАРЕ 1945 г.

Уж полночь близится, а мне никак не спится.
За окнами во мгле шумит под ветром лес.
Треща, горит свеча... Ну, чтоб тебе явиться,
Прогнать мою тоску, веселый старый бес!
Давно прошла пора свиданий пылких,
Я стар и одиноч... Почти пуста бутылка...
Еще один печальный, тусклый день прошел...

С вдруг... ужели мышь летучая в окно
Ко мне влетела? Только нет! Оно
Крупнее мыши! Прыгнуло на стол
И сразу, оборвав стремительный полет,
На нем уселось, точно черный кот.
Нет! Это мне, наверно, просто снится,
Я осушил стакан, пожалуй, лишний раз!
Хвост с кисточкой и рожки, и копытца,
Усмешка умная на дне пытливых глаз!
Так это бес! «Ну, здравствуй, гость желанный!»
«Приветствую, - ответил гость жеманно, -
Я не случайно здесь – вечерний свой обход
По душам грешников обычно совершая,
Я захожу и к тем, кто в этот час зовёт
Меня к себе, в тоске изнемогая.
«А в городе у вас», - сказал нечистый дух, -
Немалую имею клиентуру»,
Он вытащил откуда-то огромный гробсбух,
В ослиную переплетенный шкуру,
Раскрыл его почти благоговейно
И стал читать. Там были постатейно
Все перечислены: доносчики, льстецы,
Блатмейстеры и прочие дельцы,
Кто, забыв про правду и про честь,
Сумели к должностям ответственным пролезть,
Обманщики, тюремщики и воры.
И он читал, читал, нагромождая горы
Известных всем имён. Но я ему сказал
(так говорить гостям, пожалуй, неуместно),

Что скучно слушать мне про то, что всем известно.
Чёрт перестал читать, обиделся и замолчал,
Закрыв свой фолиант с улыбкой сожаленья.
Я понял, что с его чертячьей точки зренья,
Профессионального ценителя греха,
Коллекция была не только не плоха,
Но всякого достойна восхищенья.
Чтоб искупить вину и продолжать беседу,
Я протянул ему наполненный бокал.
Чёрт вдруг повеселел: «Конечно, за победу
Вы тост предложите? – насмешливо сказал, -
Ну что же, выпьем. Мне, право, повезло -
Вы пейте за добро, я буду пить за зло!».
Я, не поняв его, спросил, что это значит?
В чём тайный смысл его последних слов?
Чёрт отвечал: «Не может быть иначе –
На основании диалектических основ
Неотвратимо каждое явление,
Меняясь с временем, обратный примет знак.
В победе скрыт всегда зародыш пораженья,
Вчерашний друг – сегодня враг.
Вы ждете мира, но, поверьте, скоро
Вы снова дней тяжелых ждать должны:
При дележе добычи – всегда бывают споры
Меж победившими – и новой жди войны.
Она придёт за спорами по следу.
Так выпьемте, мечтатель, за победу!»

Он потянулся за своим бокалом,
Задел свечу, она, треща, упала,

И свет потух. Вдали пропел петух.
Под вихрем зашумел во мраке лес.
Я снова свет зажёл и увидал,
Что на столе стоит пустой бокал,
Я был один, мой странный гость исчез.

РАБ СТАРЫЙ УМИРАЛ...

Раб старый умирал... И около отца
Стояли дети полные печали.
И приближение чувствуя конца,
Старик шептал: «О, если бы вы знали,
Как хороши леса мои за морем,
Где я свободным рос в далекие года,
Как хороши степей бескрайние просторы,
Спокойных рек прозрачная вода!

Вам не понять моей тоски и боли,
Не примите это за укор:
Рожденный и воспитанный в неволе
Не может знать про волю и простор –
Его душа слепа к лучам свободы».

1944 г.

СОМНЕНИЕ

В толпе царедворцев тебя не видали у трона,
Ты вряд ли входило с толпой в переполненный
храм,
Чуждалось восторгов и криков толпы
преклонённой,
Никто в твою честь не курил фимиам.
Не шло никогда во главе наступающих армий,
Воители имя твое никогда не вздымали на щит,
Но владыкам земным ты казалась страшной и
коварней,
Чем любой из врагов, кто их чёрному стану грозит.
Оттого повелители царств и владыки религий
Пред словом твоим безотчётный испытывали
страх,

В бессилии своём проклинали Великие Книги,
Пророков твоих распинали и жгли на кострах!
Но услышавший слово твоё больше верить
покорно не сможет,
И когда пред судом Ватикана великий стоял
Галилей,
И тогда для него был безмерно ценней и дороже
Терновый венок твой золотого венца королей.
Презрев неподвижную, мёртвую догму закона,
За истиной шло ты, лишь опыт и разум ценя,
Как червь подгрызало устои незыблемых тронов,
Дорогу торя для законов грядущего дня.

Я ОДИНОК И МНЕ НЕ СПИТСЯ

Я одинок, и мне не спиться
За окнами ночная мгла.
И мгла в душе. Ну, чтоб тебе явиться,
Весёлый бес, и сесть на край стола.
Поговорили бы – куда нам торопиться?
Ладья войны стремится нас в тёмном море зла.

Я бы спросил тебя, что есть ли в самом деле,
Как в детстве верил я - прекрасный райский сад,
Где Пан – весёлый бог играет на свирели,

Где пляшет хоровод сатиров и дриад,
Где нет ни зла, ни слёз, где жили люди-дети.
И пенью птиц их звонкий вторил смех,
Пока в глухую ночь земных тысячелетий
Их не толкнул убийства тяжкий грех?

Быть может, где-нибудь, от наших взоров скрытый,
Ещё цветет Прекрасный Райский Сад,
И человек придёт дорогою забытой,
Как блудный сын, к дверям его назад?

1943 г.

ВОСТОЧНАЯ БЫЛЬ

Однажды властный царь Востока
Недугом тяжким занемог,
И Смерть, явившись раньше срока,
К нему ступила на порог.
И царь тогда во власти страха,
Томясь на ложе смертных мук,
Поклялся именем Аллаха:
Тому, кто вылечит недуг,
Кто жизнь царя спасти сумеет,
Тому отдать не пожалеет
Сокровища, что сотню лет
Копили он, отец и дед.

Один бродяга, что по свету
Скитался и целебных трав
Знал ели зримые приметы,
Про клятву эту услышав,
Пред очи царские явился.
И только ему так повезло
(В рубашке, может, он родился)
Но только лекарям назло
Царь снова скоро здоровым стал,
И должен был, как обещал,
Не совершая святотатства,
Отдать бродяге все богатства.

Оставшись клятве верен,
Бродягу царь к себе позвал.
Открылись кованые двери
В глубокий каменный подвал,
Корыстолюбием томим,
Вбежал бродяга. Горы злата
Желтели тускло перед ним.
Ах! Наконец он стал богатым!
Царя богаче он теперь!
Но где же царь? Закрылась дверь,
И сквозь нее чуть ловит ухо
Слова, звучащие так глухо:
«Богатства все твои – владей.
Ты богатейший из людей,
И что б ты мог спокойно спать,
Я дверь велю замуровать».

В короткий разговор, так много чувств и слов,
Мне кажется тогда, сердца наши сомкнуты
В одно кольцо, но нет милей оков.
Я без тебя один борюсь с глухой тоскою,
И дни текут в унылой полумгле.
И хоть ты говоришь издалека со мною,
Но никого нет ближе на земле.

XII. 1953 г.

МЕЖДУГОРОДНИЙ РАЗГОВОР ПО
ТЕЛЕФОНУ

Жене

Когда мне голос твой, звучащий издалека,
За много тысяч верст приносят провода,
Хоть чувствую себя я в мире одиноким,
Теплее на душе становится тогда,
Когда ты говоришь, спеша вложить в минуты,

ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ ВЕСНА
(ответ на письмо В.Д.)

На ветвях набухают почки,
Цветы глядятся в синь небес,
Зазеленеет скоро лес,
И рифмы сами лезут в строчки.
Весна... Прошло полсотни лет
С тех пор, как знали мы друг друга...
И вдруг нежданный Ваш привет
Мне Ваша принесла подруга.
Года бегут, среди них отмечен
Один. И я забыть не мог
Короткой нашей встречи
В скрещении жизненных дорог.
Такой, какой в те годы были.

Я ясно, ясно вижу Вас,
Дорогу нашу на Кавказ.
И помню, что Вы говорили...
Но те года - под слоем пыли.
Нас учит мудрости поэт:
«Не говори с тоской «их нет»,
А с благодарностью, что «были».
Да, жизнь прошла, и плачь не плачь,
Я не студент, как был когда-то,
В учёном звании кандидата
Теперь я лысый старый врач.
Но гор таинственный магнит
Меня по-прежнему манит.

ПОДРАЖАНИЕ КАТУЛЛЕ

*Лесбея мне говорила, что будет подругою верной,
Что рядом со мной ей даже Юпитер немил.
И я к ней тянулся не с грязной похотью черни,
Её, как невесту, доверчиво нежно любил.*

*Теперь я прозрел. Её образ не может стереться
В сознании моём, но и прежним не может он быть
Ты спросишь меня почему? Потому что
обманутым сердцем
Можно сильнее желать, но невозможно любить! **

Меня, как Лесбея Катулла,
Моя любимая надула.

А я, как он, простив грехи,
Пишу ей нежные стихи.
Я сердцу говорю: «Не верь»,
А сам гляжу на грудь и ножки.
Любовь, что кот: прогонишь в дверь,
А он, глядишь, уж прыг в окошко,
Сидит, глядит, мяучит вновь.
Не знаю, как прогнать любовь!

* Из Катулла (перевод Сельвинского несколько измененный К.А.Гордоном)

ОГОНЬКИ АЛТАЯ

На вершинах Алтая я не бывал,
И писать мне о них не с руки,
Но я слышал, что там средь заснеженных
скал
Голубые цветут огоньки.

Будто капелька неба на серой скале
Голубеет тот дивный цветок,
Но не много найдется людей на земле,

Кто найти и сорвать его смог.

Надо долго идти сквозь дожди и ветра
По тайге и гольцам без дорог,
И надежду нести от костра до костра,
Чтоб разыскать голубой огонёк.

РЕКА КАТУНЬ

Катунь, сибирская река,
С вершин, заснеженных Алтая,
Мощна, бурлива и дика,
Волну волною подгоняя,
Ты бег стремишь средь серых скал.
А там, где пенятся пороги,
Утёсам ты кидаешь в ноги
Могучих волн взъярённый вал.
На берегах твоих леса,
Куда ни глянь, растут без края,

Богатство, гордость и краса
Зелёно-синих гор Алтая.

Великолепна мощь реки!
Взглянув, её полюбишь сразу.
В сравнении с нею ручейки
Все реки грозного Кавказа.

СОЛОВКИ

На острове дальнем, где Белого моря
Без края раскинулась блёклая ширь,
Как будто из сказки, на каменном взгорье
Стоит среди темных лесов монастырь.

Соловки... Никогда не забудется скоро
Островов этих диких простая краса,
Там в небо глядят, синяя, озёра,
А в озёра, как в зеркало, смотрят леса.
Но не только красой первозданной природы
К себе привлекают людей острова:
Монастырь этот – памятник жизни народа,
Это русской природы большая глава.

Соловки. 1967 г.

РЕБЁНКУ, РОДИВШЕМУСЯ В АТОМНЫЙ
ВЕК

Человек для счастья рожден,
Как цветок – для солнца, для полета - птица.
Если в жизни мало счастья встретит он –
Человеку лучше не родиться.

1968 г.

РЕЦЕНЗИЯ НА СТИХОТВОРЕНИЕ
И.ВАРАВВЫ «ОЗЕРО КАРДЫВАЧ»

*«Кардывач! Кардывач!
В твои воды упал карагач,
Опрокинулся тис...*

.....
*Кардывач! Кардывач!
Продирается лесом сохач.*

.....
*Кардывач! Кардывач!
Воздух крепок, как чистый первач» **

Я не поэт, не жажду славы,
Я житель Сочи, старый врач,
Но я правдивей, чем Варавва,

Мог бы рассказать про Кардывач!
Нет, высоко у Кардывача
Он не видел карагача,
Не опрокинулся там тис.
Как краевед, могу отметить -
Спуститься надо много вниз,
Чтобы деревья эти встретить.
Не мог прийти на Кардывач,

* Из стихотворения И.Вараввы «Озеро Кардывач»
«Черноморская здравница». 5 февраля 1975 г

Продравшись по лесу, сохач:
Ведь это вовсе не секрет,
Что лосей на Кавказе нет.
Варавве, право, нипочем,
Когда за рифмой он погнался -
Он чистый воздух с первачом
И то сравнить не постеснялся.

Лишь тот поэт народу люб,
Кто с ним обходится учтиво,
Не мысля так: читатель глуп –
Проглотит он любое чтиво.

1975 г.

Оглавление

- ЧАСТЬ I. ПО ГОРНЫМ ТРОПАМ
ЗАПАДНОГО КАВКАЗА
1. Обращение к читателю
 2. Монастырь по дороге на Красную Поляну
 3. В Агурском ущелье
 4. Гроза в горах
 5. Тропа по реке Псоу
- Рассказы об озере Рица
6. - Путь к оз.Рица в 1913 г.
 7. - Вечер и день
 8. - Ветер песни пел спросонку
 9. - Ночь в лесу над Рицей
 10. - На лунной поляне поставлен бивак_____

11. - Озеро Рица в 1913-1925 гг.
 12. - Сорок лет спустя
 13. Озеро Малая Рица
 14. Солнечный кончился день...
- Восхождение на гору Агесту
15. - Ночь перед восхождением
 16. - Утро перед восхождением
 17. - Перед перевалом
 18. - Перед вершиной Агепсты
 19. - На вершине Агепсты
 20. - Там выюко, где небо, снег и скалы...
 21. Камень в лесу
Рассказ о палатке
 22. - Палатка
 23. - Прощание с палаткой
 24. Марухский ледник
 25. Свирель
 26. Осень в горах
 27. Обращение к рюкзаку
 28. Бивак в верховьях Малой Лабы
 29. Туман на склонах Чугуша
 30. Сквозь туман разлуки
 31. Осенняя прогулка в горах
 32. Ущелье Врубелевского демона
 33. Утро в горах
 34. Подари мне кольцо
 35. Встреча с медведем
 36. В верховьях Малой Лабы
 37. Рождение горной реки

38. Девушка и птица (В лесу над заснувшей
Рицей)
39. Озеро Кардывач
40. Санчарский перевал

ЧАСТЬ II. ЛИРИКА

41. Морская царевна
42. Зачем ты говоришь, что я любил когда-
то...
43. Под гнётом недавнего горя
44. Один я, но хочется видеться с Вами
45. Давно уже песня ко мне не стучалась
46. Я принёс тебе большой букет азалий
47. Был ясный зимний день
48. Сон
Рассказ о командировке в глубинку
49. - Вот снова путь, вновь снежная
дорога...
50. - Девичий маленький альбом...
51. В твоей груди струится яд зелёный...
52. Я встретил Вас, когда, сверкая...
53. Портрет
54. Воспоминание
55. Поздним летом в степи на казацких
могилах...
56. Вечером зимним ты приходила...
57. Ты далёко, меж нами ночь без края
58. Не ведома воля господня...
59. Простор широк и волны сини
60. На вокзале в Твери
61. Неслышной походкой приходит к нам
осень...
62. Перед поездкой на Кольский
полуостров
63. О! Ты, несущая мне чашу наслаждений
64. Ночь была темна
65. Осень
66. Жене не спится...
67. В море
68. Кепка! Старая чёрная кепка!
69. Женское письмо
70. Маскарад
71. Татуировка на руке старика
72. На запад к пределам Китая
73. Где ты, которая давно... (Окно)
74. Я в сердце твоё вошел как...
75. Свидание
76. Подражание С. Чёрному
77. Ответ на письма
78. Маяк у Феодосии
79. К Левконое
80. Глухая ночь и город засыпает...
81. Я помню, давно это всё уже было...
82. Закат

83. Мне снился сон о первой нашей встрече
84. Пусть дождь идёт
85. Ночь длинна
86. Раб
87. Глазок приёмника горел
88. Разговор с чёртом
89. Раб старый умирал...
90. Сомнение
91. Я одинок и мне не спится
92. Восточная быль
93. Разговор по междугородному телефону
94. Шестьдесят восьмая весна
95. Подражание Катуллу
96. Рецензия на стихотворение И. Вараввы
«Озеро Кардывач»
97. Огоньки Алтая
100. Река Катунь
101. Ребёнку, родившемуся в атомный век
- 102.